

— Дорвалась! Захрапѣла! Ишь, какъ выводитъ, матушка, носомъ-то, что твоя валторна! Отдыхаетъ! А спроси: что дѣлала день-деньской? Ничего... И во что спить, подумаешь,—удивительно даже...

Леночка сидѣла въ дядиной комнатѣ и вышивала по канвѣ какую-то безконечно-надоѣвшую ей подушку, предназначенную быть поднесенной отцу, въ видѣ сюрприза, въ день его именинъ. Но ей не хотѣлось вышивать; она скучала и разсѣянно прислушивалась къ пѣнію сверчка за печкой, вторившему глухому гулу разгулявшейся вьюги.

Антонъ Кирилъчъ разложилъ всѣ свои любимые пасьянсы и уже подумывалъ объ ужинѣ, какъ вдругъ, сквозь шумъ и вой мятели на улицѣ, послышался сначала захлебывающійся звонъ колокольчика, какіе-то крики, заглушаемые порывами вѣтра, и, наконецъ, торопливые стуки въ ворота, смутный говоръ и шаги.

— Кого это несетъ, на ночь глядя?—заворчалъ Антонъ Кирилъчъ, подымаясь.—Вѣрно съ пути какіе-нибудь сбились. Лена, поди, скажи Абраму или Терехѣ, чтобы поглядѣли, кто это?

Но Лена уже давно была на крыльцѣ; неопредѣленное предчувствіе кипѣло въ ея груди... Между тѣмъ Тереха съ трудомъ отворилъ занесенныя снѣгомъ ворота. Гремя бубенчиками и колокольцами, на дворъ въѣхала лихая ямщицкая тройка, запряженная въ большія сани, обитыя ковромъ. Изъ нихъ выскочилъ, весь обсыпанный снѣгомъ, закрученный вьюгою, Діодоръ, быстро вбѣжалъ на крыльцо, потомъ въ сѣни, настѣжъ отворилъ двери въ комнаты и, не раздѣваясь, ворвался въ залу, на порогѣ которой уже стоялъ и ждалъ его Антонъ Кирилъчъ.

Нѣсколько минутъ гость и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Діодоръ первый прервалъ тягостное молчаніе. Онъ вдругъ захохоталъ и протянулъ зятю руку.

— Что? Не узнали? Не ждали сокола? — проговорилъ онъ между смѣхомъ.

— Какъ не узнать, узналъ,—угрюмо отвѣчалъ Антонъ Кирилъчъ, нѣхотя прикасаясь къ протянутой ему рукѣ.

Но Діодоръ уже не слушалъ его. Все еще не раздѣваясь, онъ прошелъ въ свою бывшую комнату и, увидѣвъ у палетъ испуганную и обрадованную Лену, бросился къ ней.

— Наконецъ-то!..—прошепталъ онъ взволнованно, схватывая ее за руки и напряженно вглядываясь въ ея личико, ярко освѣщенное лампой.—Вотъ и ты... Все такая же... худенькая, блѣдненькая... но ужасно милая, добрая... Ну вотъ... Я пришелъ къ